
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3:32

Зиновьев А.С. (Санкт-Петербург), Туров Н.Л. (Москва)

ФЕНОМЕН ПОПУЛИЗМА НА ВЫБОРАХ В ЛИТВЕ¹

Zinovyev A.S., Turov N.L.

POPULISM PHENOMENON AT ELECTIONS IN LITHUANIA

Аннотация. В статье рассматривается сущность феномена популизма и его проявления в партийно-политической системе постсоциалистических стран на примере Литовской республики. Отмечается, что популистские движения отрицают необходимость географического и институционального посредничества, предоставляемого традиционными политическими партиями. Одним из ключевых признаков поворота к популизму называется снижения уровня явки избирателей. При помощи методов пространственного анализа демонстрируется взаимосвязь между возрастной структурой населения и его электоральным поведением на выборах в сейм Литвы в 2012 и 2016 гг. Основной причиной роста популярности нетрадиционных партий называется экономическое неравенство, которое имеет тенденцию к переходу в социокультурное противостояние, имеющее свою специфическую географию: с одной стороны столичные центры Вильнюс, Каунас и их субурбанизированные зоны, а с другой – сжимающаяся демографически и экономически периферия.

Abstract. The article discusses in detail the essence of the phenomenon of populism and its manifestation in the political party system of post-socialist countries on the example of the Republic of Lithuania. It is noted that populist movements deny the need for geographic and institutional mediation provided by traditional political parties. A decrease in voter turnout is called as one of the key signs of a turn towards populism. Using the methods of spatial analysis the relationship between the age structure of the population and its electoral behavior in elections to the Lithuanian Seimas in 2012 and 2016 is demonstrated. The main reason for the growing popularity of non-traditional parties is economic inequality, which tends to move into a sociocultural confrontation that has its own specific geography: on the one hand, the capital centers of Vilnius, Kaunas and their suburbanized zones, and on the other the periphery, which is shrinking demographically and economically.

Ключевые слова: популизм, выборы, партийная система, постсоциалистическая трансформация, явка, поколенческий эффект, пространственно-временные условия, Литва.

Key words: populism, elections, party system, post-socialist transformation, turnout, generation effect, spatio-temporal conditions, Lithuania.

«Призрак бродит по Европе, призрак популизма»

Г. Ионеску, Э. Геллнер²

Введение и постановка проблемы.

Классические политические партии с обычным членством и иерархической организационной структурой в западных демократиях в настоящее время находятся под угрозой со стороны движений и политиков «новой волны», которые заявляют, что они «идут к людям» непосредственно за их поддержкой.

В 2015–2017 гг. мировое сообщество всколыхнули электоральные успехи Дональда Трампа в США, Эмманюэля Макрона и его партии «Вперед, Республика!» во Франции, партии независимости Соединенного Королевства и итоги референдума о выходе из Европейского Союза в Великобритании, немецкой партии «Альтернатива для Герма-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-37-01009.

² Ionescu G., Gellner E. Introduction // Populism: Its Meaning and National Character / G. Ionescu, E. Gellner (eds.). L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 1.

нии», а также появление как правых, так и левых популистских движений от Испании и Греции на юге до Швеции и Финляндии на севере Европы. Рост неконтролируемой нелегальной иммиграция часто называют основной причиной популярности таких кандидатов и партий, кроме того стоит отметить и последствия от неудачных управленческих решений властей в контексте вызовов экономической глобализации (стагнация доходов населения, рост неравенства, высокий уровень безработицы и т.д.) [10].

Для государств социалистического лагеря рубеж XX и XXI веков стал началом эпохи системной трансформации – транзита от административно-командной экономики к рыночной и от тоталитарного политического режима к демократическому. Слом идеологических догм дал толчок развитию многих политических процессов и институтов, которые являлись инновационными для постсоциалистических обществ. Под политической инновацией (нововведением) в данном контексте мы понимаем процесс трансформации традиционной политической культуры территориальной общности. Как основную причину зарождения политических инноваций и изменений политической культуры можно назвать особенности протекания периодических циклов сменяющихся подъёмов и спадов в мировой экономике (больших циклов Кондратьева) [3]. В случае социалистических стран внутренние системные преобразования наложились на изменения мировой экономической системы (переход на 5-й цикл Кондратьева). В первую очередь, для постсоциалистических стран политическими инновациями выступили институт свободных и конкурентных выборов и новая партийно-политическая система.

Политолог Н.А. Баранов справедливо отмечает, что феномен популизма становится востребованным в условиях социально-политических трансформаций [1]. В процессе постсоциалистической трансформации в странах Центрально-Восточной Европы появилось множество политиков и партии популистского толка, которые стали широко эксплуатировать в дискурсе избирательных кампаний национальные и социальные проблемы. Швейцарский историк У. Альтрмат в подтверждение этого факта пишет, что по-

пулистские движения возникают в процессе модернизационного толчка, когда равновесие во всех сферах жизни общества нарушается, что вызывает в широких кругах населения неуверенность, появляются «проигравшие», не сумевшие адаптироваться к изменениям, произошедшим в результате масштабных трансформаций [7]. Стремительные преобразования, и связанные с этим трудности, ставят под сомнение сложившуюся систему власти, и шансы популизма возрастают. При этом это коснулось как стран, находящихся в авангарде постсоциалистических реформ (Польша, Венгрия, Словакия), так и тех, кто в арьергарде (Сербия, Македония, Украина).

Основной целью нашего исследования можно считать изучение одного из наиболее важных признаков поворота к популизму – рост числа не участвующих в избирательном процессе. Значительное снижение доли явки на выборах в постсоциалистических странах в последние годы предполагает, что отчасти население становится все более доступным для популистских электоральных альтернатив³. Это означает и снижение способности традиционных партий выполнять одну из своих главных функций – посредничества между государством и обществом. Наличие большого количества недовольных гражданами, исключенных из текущего политического процесса, может служить резервуаром, из которого выгоду могут извлечь популистские движения. Это обуславливает актуальность выбранной цели.

Понятие популизма и методика его исследования. Понятие «популизм» довольно емкое. Толковый словарь русского языка дает обобщенное определение популизма как «политики, апеллирующей к широким массам и обещающей им скорое и лёгкое решение острых социальных проблем» [5]. На практике идеологически это проявляется разнонаправленно. Во-первых, в появлении субъектов политики, которые своей ключевой задачей называют уменьшение политического влияния экономических элит и стремление к справедливому перераспределению доходов в пользу «народа» (*левая идеология*). Этот тип популизма и сегодня имеет успех и поддержку общества, примером может служить удачная избирательная кампания Берни

³ Здесь и далее под электоральной альтернативой понимаются политические организации, представленные в избирательном бюллетене (политические партии, избирательные коалиции и др.).

Сандерса на праймериз Демократической партии США в 2016 г., а также политических партий левого толка «Подemos» в Испании и «СИРИЗА» в Греции в 2015 г. Во-вторых, все чаще, особенно в Европе и Северной Америке, проявляет себя популизм, имеющий националистическую антииммигрантскую основу (*правая идеология*). Такой тип популизма наиболее ярко представлен Марин Ле Пен и «Национальным фронтом» во Франции, Австрийской партией народной свободы и в последний год президентом США Дональдом Трампом.

Подобная идеологическая дихотомия затрудняет возможность существования универсального определения популизма. Как отмечает историк Г.И. Вайнштейн «в лице популизма мы имеем дело с весьма неоднородными в организационном и идеологическом смысле тенденциями». Далее он обращает внимание на «мозаичность популистских партий и организаций, страновое многообразие форм их политической активности, которые существенно затрудняют возможность категориальных разграничений, во-первых, в рамках самого популистского тренда, а во-вторых, – между чисто популистскими партиями, как правого, так и левого толка, с одной стороны, и обычными “правыми” и “левыми”, с другой» [2].

Несмотря на выше обозначенные трудности с определением сущности современного популизма, в структуре понятия существуют два устойчивых элемента, которые позволяют нам подвергать его аналитическим манипуляциям, и проводить научное исследование в области географии.

Во-первых, это «хождение в народ» путем бросания вызова доминирующему сегодня политическому истеблишменту, представленному классическими («ортодоксальными») политическими партиями, которые, по мнению популистов, невосприимчивы к запросам общества, и развращены коррумпированными личными интересами. Другими словами, популисты отрицают необходимость географического и институционального посредничества, предоставляемого традиционными политическими партиями.

Во-вторых, понятие «народ», к которому апеллирует популизм, употребляется во многом в *территориальном* смысле, когда государствообразующему местному населению противопоставляются внешние враги или

внутренние агенты влияния. Таким образом, популизм определяет некую «правильную» территориальную идентичность, одобряет характеристики его представителей в противовес другим.

Помимо этих двух элементов, связанных с посредничеством и самобытностью, общие свойства между разными формами популизма включают в себя особый акцент на роли лидера, обещание наступления нового «золотого века» вместо бесконечной смены по сути одинаковых центристских статус-кво партий, обращение к общим для простых людей ценностям, указание на усиление экономических и культурных вызовов из-за рубежа и т.д. Это имеет некоторые пересечения с риторикой националистических и даже неонацистских движений, однако популисты не имеют четкой ориентации территориальной экспансии, не отрицают в полной мере основ существующего конституционного строя, не призывают к массовым этническим чисткам, которые характеризуют первых двух.

На наш взгляд, популизм не стоит считать сформировавшейся полномасштабной политической идеологией. Его можно рассматривать как стиль политического поведения в кризисные эпизоды развития стран в эпоху информационного общества, когда средства массовой информации, интернет и ставшие при их помощи знаменитыми личности оказывают ключевое влияние на политику, а критерием электорального выбора граждан становится эффективность и узнаваемость политиков в социальных медиа, а не их реальные политические действия [15].

По итогам обсуждения подходов к понятию «популизм» мы приходим к вопросу методики его исследования. Известные американские географы Дж. Агню и М. Шин в их исследовании по Италии предлагают изучить три ключевых аспекта популизма. Во-первых, они предлагают рассмотреть увеличение доли голосов за нетрадиционные для сложившейся партийно-политической системы партий, сопровождающееся ростом абсентеизма. Во-вторых, они выделяют мессианскую роль лидера в популистских движениях, и изучают различные уровни и интенсивность их поддержки в пространстве. В-третьих, они оценивают, как современные технологии, действующие повсеместно и, казалось бы, не имеющие четкой географической привязки, могут способствовать,

дополнять, и усиливать деятельность популистского лидера и популистских движений пространственно неравномерно [8].

В нашем исследовании феномена популизма в постсоциалистической Литве мы остановимся подробно лишь на первом признаке. Авторами применены различные сочетания традиционных для электоральных исследований методов пространственного анализа: пространственная автокорреляция на основе локального индекса Морана (*LISA – Local Index Spatial Autocorrelation*), который помогает определить пространственные кластеры уровня участия избирателей в выборах и их характеристики, а для изучения влияния структурных сдвигов в электоральном поведении на партийно-политическую систему используется корреляционный анализ.

На первом этапе нами изучена территориальная дифференциация явки на парламентских выборах 2012 и 2016 гг. Для каждого избирательного округа рассчитывался локальный показатель пространственной ассоциации (для показателя уровня явки в 2016 г. и изменения явки в 2016 г. относительно 2012 г.), чтобы показать уровни пространственной автокорреляции между соседними округами [9]. Расчеты данного показателя могут проводиться в различных программных продуктах, в нашем исследовании они велись в программной среде R. Избирательные округа, отнесенные к кластеру *high-high* (НН) имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя и окружены территориями также с относительно высокими значениями данного показателя, т.е. пространственная автокорреляция положительная. Избирательные округа, отнесенные к кластеру *low-low* (ЛЛ) имеют относительно низкие собственные значения анализируемого показателя и окружены территориями также с его относительно низкими значениями, пространственная автокорреляция также положительная. Случаи, когда пространственная автокорреляция имела отрицательный характер *high-low* и *low-high*, находятся за рамками задач исследования.

На втором этапе с целью выявления влияния поколенческого фактора на электоральное поведение были сопоставлены доли принявших участие в голосовании на выборах в сейм Литвы по семи возрастным когортам с

долей поддержки традиционных и нетрадиционных (популистских) партий. Для этого на первом шаге был проведен корреляционный анализ динамической квадратной матрицы данных итогов голосований в 2012 и 2016 гг. в разрезе 71 избирательного округа, который проводился в статистическом пакете SPSS Statistics 25. Анализировались лишь те электоральные переменные, которые по итогам хотя бы одной из избирательных кампаний набирали более пяти процентов голосов по пропорциональной системе. Исходные данные сформировали матрицы, по которым и были рассчитаны линейные коэффициенты корреляции Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0,001$ (0,1%) или доверительной вероятности 99,9% для каждого выбора. В результате анализа квадратных матриц корреляции взаимных зависимостей пространственных распределений электоральных альтернатив вся их совокупность делится на группы. В случае если у соответствующих электоральным альтернативам пространственных распределений отсутствует явная связь с какой-либо из групп, что затрудняет однозначно определить их идеологическую окраску, возможно, это говорит о том, что соответствующие альтернативы либо не вызвали интереса у избирателей (если доля отданных за них голосов невелика) и прошли фоном в избирательной кампании, либо они являются нетрадиционной для сложившейся в стране партийно-политической системы идеологической силой (если доля отданных за них голосов достаточно значима). На втором шаге, применяя аналогичный методический инструмент и используя открытые данные итогов парламентских выборов 2016 г., в разрезе всех 1996 избирательных участков страны, были проанализировано наличие положительной и отрицательной корреляционной связи между разными поколениями избирателей и исследуемыми электоральными альтернативами.

Работа основывалась на данных электоральной статистики, опубликованных на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Литовской республики.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение географических особенностей явки избирателей на выборы и абсентеизма демонстрирует падение поддержки традиционных партий и открытие возмож-

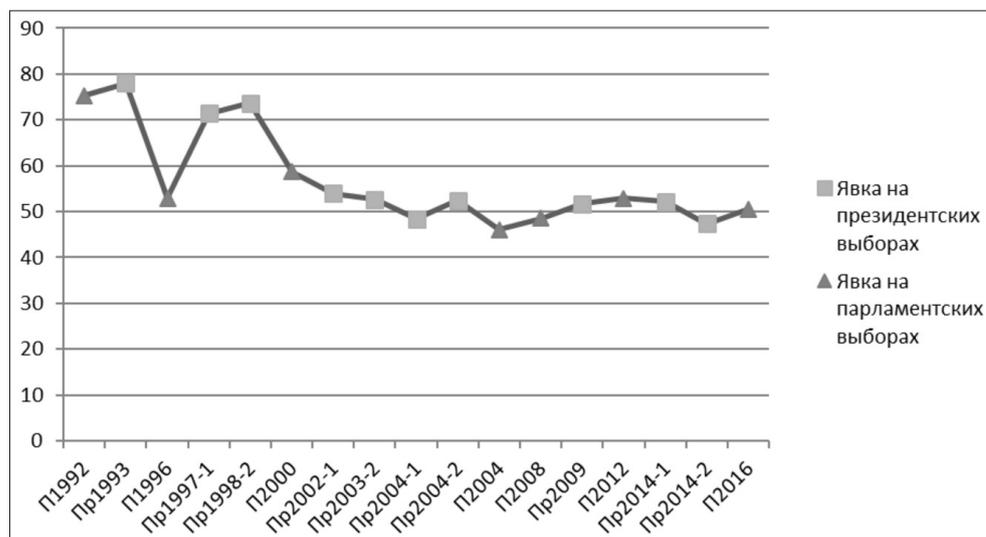

Рис. 1. Явка избирателей на парламентских и президентских выборах в Литве в 1992–2016 гг.

Составлено авторами по [17]

ностей для «вербовки» электората популистскими движениями. В большинстве стран с устоявшейся демократией уровень участия в выборах значительно сократился в последние десятилетия. Если до 1980-х гг. явка колебалась на уровне 80%, то позднее она упала до 70% и ниже [11]. Основной причиной роста абсентеизма называют поколенческий фактор, изменились ценности молодежи, они перестали ходить на выборы, что, в свою очередь, уменьшило их конкурентность [12]. Так, например, в 2016 г. на референдуме в Великобритании по выходу из ЕС лишь 36% избирателей в возрасте от 18 до 24 лет приняли участие в голосовании, в то время как избиратели старше 64 лет продемонстрировали явку 83%.

В постсоциалистических странах, в частности в Литве, сокращение явки еще более драматично. Если в первое десятилетия после восстановления независимости интерес к избирательному процессу путем голосования проявляли более 70% граждан, то в XXI в. этот показатель снизился до 50%, а порой в выборах принимают участие и менее половины избирателей (рис. 1). Причины, по которым люди не голосуют, различны. Одни предполагают, что их голос ничего не решает, особенно при наличии сильного кандидата-инкубента. Для других в приоритете в день выборов иные дела: семья, работа, отдых и т.д. Кого-то, возможно, не

удовлетворяет выбор предложенных альтернатив, сложившаяся система традиционных партий, в таком случае это абсентеизм, т.е. политически осознанное решение не принимать участие в выборах. Ряд исследователей связывают снижение явки на выборах в постсоциалистических странах с естественным ослаблением эйфории, присущей первым избирательным кампаниям посттоталитарного периода [13, 14].

Обратив внимание на географию явки избирателей на выборах в Литве (рис. 2), мы можем отметить, что на парламентских выборах 2016 г. по сравнению с аналогичными в 2012 г., рост участия в выборах произошел только в 9 избирательных округах. Заметно явка увеличилась лишь в одном столичном избирательном округе «Naįjamiestis» (+4,8%). Это старопромышленный район Вильнюса, который сейчас переживает период «ренессанса» не только как место расположения модных клубов, ресторанов, баров и общественных пространств, но и как место жительства, в первую очередь, у молодежи. Район лидирует по количеству сделок в сфере жилой недвижимости, активно осваиваются даже чердачно-мансардные помещения [18].

На рисунке 3 мы можем наблюдать кластеры схожих уровней явки на парламентских выборах 2016 г. и изменения явки между данными выборами и аналогичными

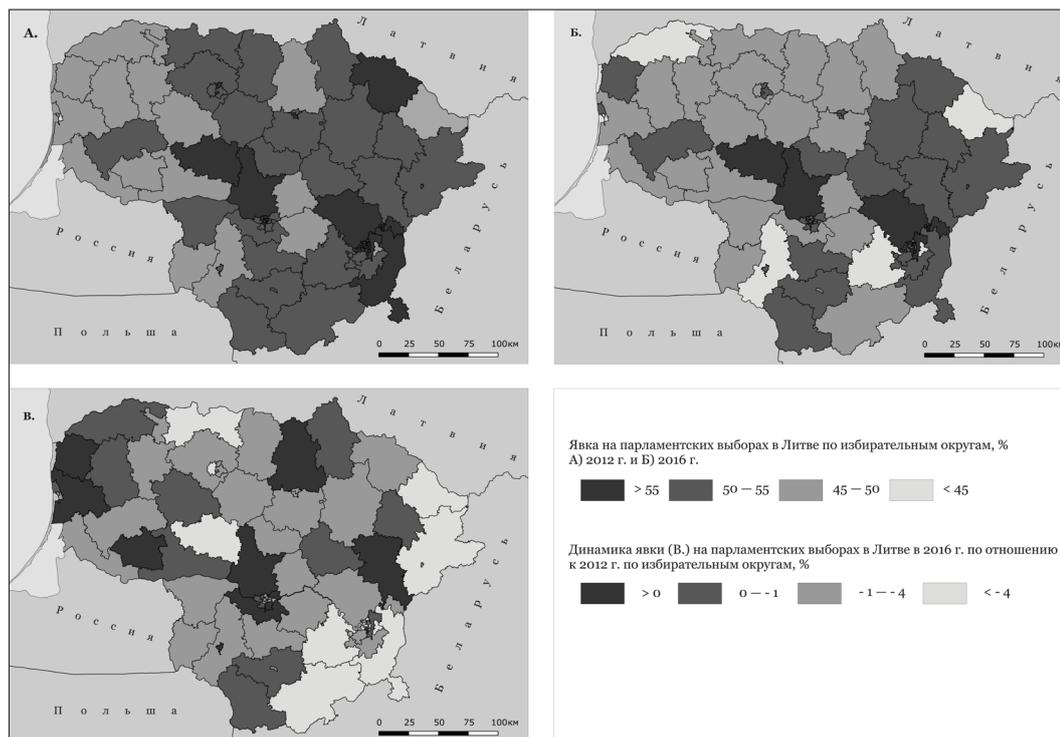

Рис. 2. Уровень явки на парламентских выборах в Литве в 2012 г. (2А) и в 2016 г. (2Б). Динамика явки на парламентских выборах в Литве в 2016 г. по отношению к 2012 г. (2В)

Составлено авторами по [17]

в 2012 г. Кластеры повышенной явки (Н-Н) 2016 г. формируются вокруг двух столичных центров Вильнюса и Каунаса, а кластеры пониженной явки (L-L) в основном сосредоточились на западе и юго-западе страны, а также один из округов на северо-востоке (Швенченский и Игналинский районы) и два округа к юго-востоку от Вильнюса (целиком Варенский и Тракайский районы, часть Электренайского района и входящий в состав столичного муниципалитета город Григишкес). Кластеры изменения явки 2016/2012 гг. имеют более хаотичное размещение, однако они во многом уточняют картину явки в 2016 г. L-L на картосхеме означает кластеризацию округов с самым большим уровнем падения явки, а Н-Н – кластеризацию самых небольших уровней снижения явки либо ее рост. Так мы можем отметить, что несмотря на то, что зона тяготения Вильнюса в целом демонстрировала высокий уровень явки в 2016 г., тем не менее по сравнению с 2012 г. на этих территориях произошло значительное снижение явки, за исключением севера Вильнюсского района, активно осваивае-

мого субурбанизационными процессами и как следствие с более молодым населением. И наоборот, в ряде округов запада и юго-запада Литвы, где наблюдалась низкая явка в 2016 г., отмечается либо ее незначительное снижение, либо такой же рост. Таким образом, мы можем резюмировать, что явка выросла в ряде округов в крупных городах и в пригородных районах, что, вероятно, можно объяснить возросшим в 2 раза участием молодежи в последних выборах, откликнувшихся на призыв популярных блогеров, таких как Андриус Тапинас и Олег Сураев, прийти на выборы в социальных сетях [19].

Подобное наблюдение требует более пристального изучения влияния возрастного состава населения на избирательную активность. Жизненный опыт поколений, возможно, влияет на относительную склонность ходить или не ходить на выборы, отражая как жизненный цикл, так и когортные эффекты. Если первое относится больше к индивидуальному опыту, то последнее является особенностью коллективного опыта, связанного с разными пространственно-временными

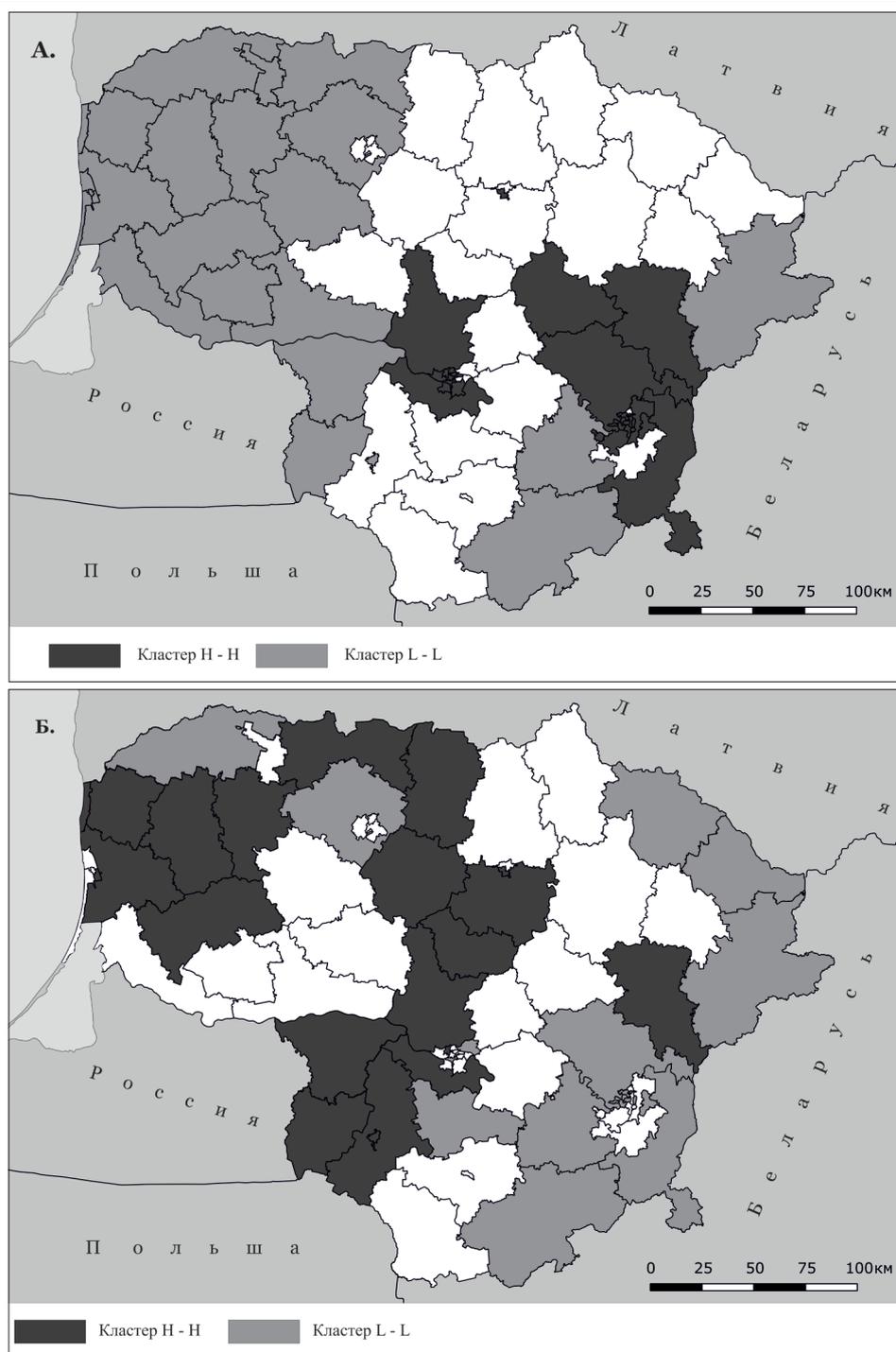

Рис. 3. Пространственная автокорреляция уровня явки избирателей на парламентских выборах в Литве в 2016 г. (3А). Пространственная автокорреляция изменения уровня явки избирателей на парламентских выборах в Литве в 2016 г. относительно 2012 г. (3Б).

Составлено авторами по [17]

условиями. В качестве примера можно привести граждан, достигших политической зрелости в Литве в коммунистический период,

электоральное поведение которых, вероятно, отличается от тех, кто ее достиг в постсоветской Литве. Важно отметить, что этот про-

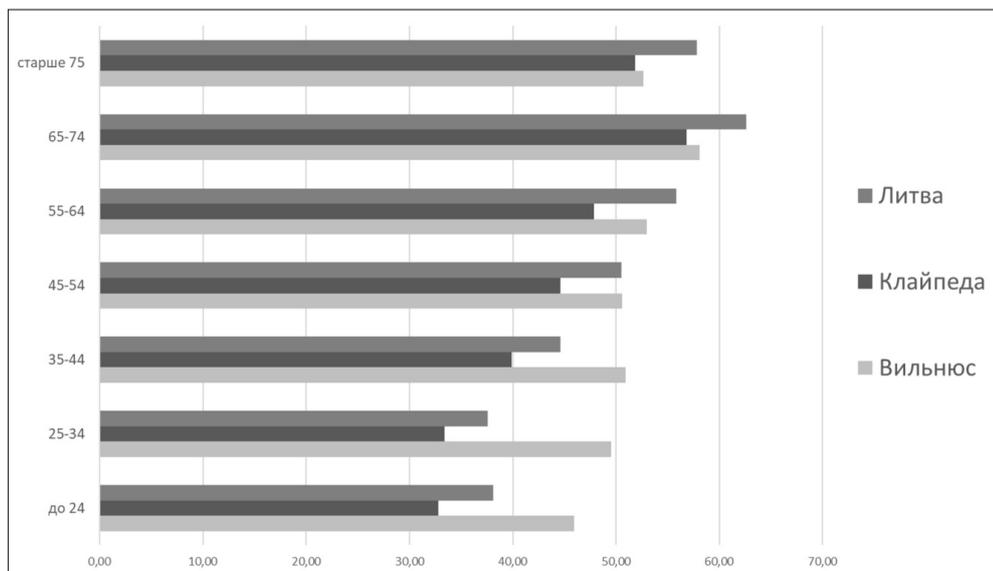

Рис. 4. Явка избирателей на парламентских выборах 2016 г. по возрастным группам

Составлено авторами по [17]

странственно-временной жизненный опыт разных поколений, имеет и географические последствия.

Пропорции населения в разных возрастных группах отличаются от места к месту, как следствие историко-демографических различий, этно-конфессиональных традиций, миграционных процессов, опосредованных текущей социально-экономической ситуацией. Таким образом, быть пенсионером, относиться к среднему поколению или молодежи может иметь разный смысл и статус в зависимости от места, а, следовательно, и паттерн степени избирательной активности будет отличаться по стране.

Если оценивать явку на выборах в Литве в возрастном разрезе, то мы увидим резкое преобладание старших возрастных когорт (рис. 4). На парламентских выборах в 2016 г. наиболее активны были избиратели старше 55 лет. Участие в выборах среди молодежи в возрасте до 34 лет было значительно ниже, однако этот показатель в 2 раза выше, чем на выборах в сейм в 2012 г. (18,9%). Особенно высока доля молодежи, принявшей участие в парламентских выборах 2016 г., на территориях, вошедших в кластер повышенной явки (например, в Вильнюсе), и напротив ниже среднестрановых показатели явки молодежи на территориях, вошедших в кластер пониженной явки (например, в Клайпеде).

Партийно-политическая и электоральные системы Литвы, как и во многих пост-социалистических странах, пережили ряд трансформаций, связанных со значительными изменениями в обществе и вопросах его раскалывающих. На первом этапе основная линия размежевания пролегла по вопросам отношения к советскому прошлому республики и времени борьбы за независимость. Вторым этапом ознаменован вступлением Литвы в Европейский союз и основным раскол в обществе стал отражать проблемы литовского общества, проживающего в новой социально-экономической и институциональной реальности члена ЕС [6]. Современный этап, вероятно переходный, переформирующий. Он связан с кризисом основ европейского общества (отступление от модели социального государства, иммиграция, евроскептицизм). Ключом для понимания нарастания популизма в Европе некоторые исследователи называют специфический подход к решению еврокризиса – технократию, которая считает, что есть только одно правильное политическое решение, часто выталкивающее из контекста тех, кого социологи называют «лишними людьми». Популизм же, в свою очередь, пытается вернуть в политический процесс тех, кто из него исключен. Это явление носит инклюзивный характер в условиях усиливающегося социально-экономического неравенства [4].

Традиционные для европейских обществ идеологические полюса на парламентских выборах в Литве 2012 и 2016 гг. представляли «слева» – Социально-демократическая партия Литвы (СДПЛ), а «справа» – Союз Отечества – Литовские христианские демократы и Движение либералов. Остальные электоральные альтернативы, набравшие более 5% голосов избирателей хотя бы на одних выборах, пытались позиционировать себя в избирательной кампании как всеохватные партии (*catch-all parties*). К ним мы относим Партию труда, Порядок и справедливость, Путь мужества, Союз крестьян и зеленых Литвы, Антикоррупционную коалицию Н. Путейкиса и К. Кривицкаса. Избирательную акцию поляков Литвы мы сознательно выводим из анализа как партию с «узкой» электоральной базой и ориентированной сугубо на компактно проживающее на юго-востоке страны польское этническое меньшинство. Подобные выводы подтверждает и корреляционный анализ квадратных матриц корреляции взаимных зависимостей пространственных распределений электоральных альтернатив, произведенный нами по итогам выборов в Сейм Литовской республики 2012 и 2016 гг.

Использование данного инструмента экологического подхода в электоральной географии также позволил нам выделить преобладающую поддержку исследуемых электоральных альтернатив различными поколенческими когортами (табл. 1).

Следует отметить, что идеологию традиционных политических партии поддерживают две возрастные группы (25–34 и 35–44), при чем повышенную поддержку они оказывают классическим «правым» партиям консервативного и либерального толка. Это граждане, находящиеся в наиболее экономически активном и востребованном рынке труда возрасте, преимущественно проживающие в крупных городах. Традиционная «левая» политическая партия (СДПЛ) не нашла свою нишу ни в одной из когорт, лишь разделив симпатии самого старшего поколения с несколькими другими электоральными альтернативами. Как показал упоминавшийся выше корреляционный анализ итогов парламентских выборов 2012 и 2016 гг., СДПЛ на «левом» фланге была заменена, в первую очередь, Союзом крестьян и зеленых Литвы. Часть традиционного электората социал-де-

мократов на себя отвлекла Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса. Наиболее любопытен, на наш взгляд, результат, полученный для самой молодой возрастной группы (18–24), которая продемонстрировала стойкое неприятие традиционных праволиберальных партий и оказала поддержку новым «левым» в лице Союза крестьян и зеленых Литвы.

Территориальные проявления поколенческого эффекта на выборах в сейм Литвы в 2016 г. мы можем наблюдать на рисунке 5, где представлен уровень поддержки трех партий, отнесенных нами к традиционным (Социал-демократическая партия Литвы, Союз Отечества-Литовские христианские демократы, Движение либералов), и пяти популистских электоральных альтернатив (Партия труда, Порядок и справедливость, Путь мужества, Союз крестьян и зеленых Литвы, Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса). Проиллюстрировать влияние возрастных различия избирателей и уровня явки на итоги голосования мы решили на следующих примерах: в целом по стране, в крупных городах, отнесенных нами к разным кластерам по уровню явки (Вильнюс и Клайпеда), в сельских районах также из различных кластеров по уровню явки (Пагегский и Укмергский районы) и в целом по кластерам с высокой (H-H) и низкой явкой (L-L). Мы можем обратить внимание, что уровень явки и центр-периферийные особенности возрастной структуры населения значительно влияют на соотношение поддержки традиционных и популистских электоральных альтернатив. Чем ниже уровень явки и старше электорат, тем больше поддержка популистов и, наоборот, чем выше уровень явки и моложе электорат, тем меньше поддержка популистов.

Таким образом, мы можем констатировать, что отнесенные нами к популистским электоральные альтернативы более всего востребованы у наименее экономически уверенных в себе и социально защищенных возрастных групп населения. Данный факт является подтверждением того, что в Литве природа популизма заложена в проблеме экономического неравенства и имеет тенденцию к перерастанию в культурный раскол, имеющий свою специфическую географию: с одной стороны, благополучные Вильнюс, Каунас, их субурбанизированные зоны,

Таблица 1

Возрастные когорты избирателей Литвы и их электоральное поведение на парламентских выборах 2016 г.

Возраст в 2016 г.	Год рождения	Возможность голосовать	Ключевые события периода социализации	Повышенная поддержка	Пониженная поддержка
18–24	1992–1998	2010–2016	Массовая эмиграция, новая «холодная война»	Союз крестьян и зеленых Литвы, Порядок и справедливость	Союз Отечества - Литовские христианские демократы, Движение либералов
25–34	1982–1991	2000–2009	Вступление в ЕС и НАТО, кризис 2008 г.	Движение либералов	Социал-демократическая партия Литвы, Союз крестьян и зеленых Литвы, Партия труда
35–44	1972–1981	1990–1999	Восстановление независимости, кризис 1990-х гг.	Союз Отечества - Литовские христианские демократы, Движение либералов	Партию труда, Порядок и справедливость, Союз крестьян и зеленых Литвы, Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса
45–54	1962–1971	1980–1989	Перестройка	Союз крестьян и зеленых Литвы, Порядок и справедливость	–
55–64	1952–1961	1970–1979	Застой	–	Социал-демократическая партия Литвы, Союз Отечества – Литовские христианские демократы, Союз крестьян и зеленых Литвы, Партия труда
65–74	1942–1951	1960–1969	Оттепель, Пражская весна	Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса	Порядок и справедливость
старше 75	до 1941	до 1959	Первая независимость, вхождение в состав СССР, репрессии, Вторая мировая война, сопротивление («лесные братья»)	Социал-демократическая партия Литвы, Союз Отечества – Литовские христианские демократы, Союз крестьян и зеленых Литвы, Партия труда	Движение либералов

Составлено авторами.

а с другой – бедная маргинализирующаяся периферия.

Выводы. Таргетирование и мобилизация электората становится все более затрудни-

тельным в современных условиях, когда социальная и культурная структуры общества становятся все более гетерогенными, а роль государств как самостоятельных автономных субъектов в условиях глобализации сни-

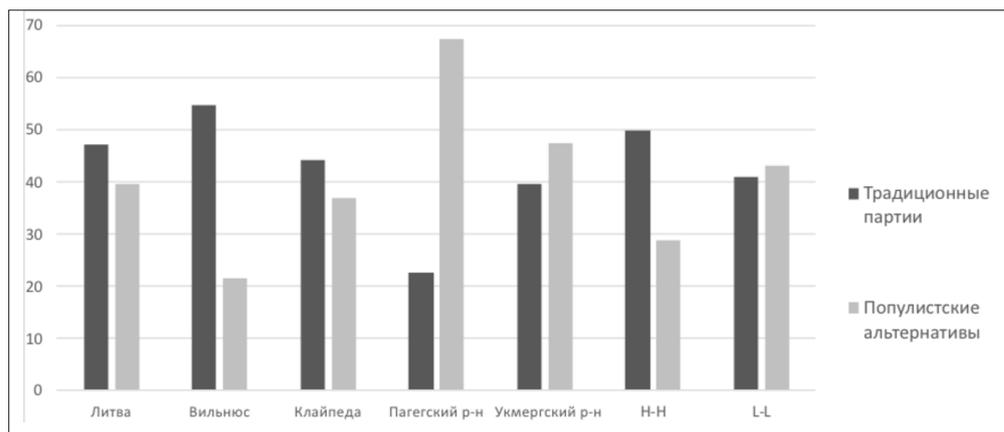

Рис.5. Поддержка традиционных партий и популистских альтернатив на парламентских выборах 2016 г.

Составлено авторами по [17]

жается [16]. Все это является благодатной почвой для популизма, требующего активизировать роль национальных правительств через прямое представительство общественных интересов без институционального или географического посредничества. Но как показывает наше исследование, достичь этого невозможно, т.к. электорат не везде одинаков и варьируется от места к месту. Даже доступные для вербовки популистских партий и движений не голосующие избиратели распределяются по территории страны неравномерно.

Традиционные политические партии в Литве потеряли старых избирателей и не смогли привлечь новых избирателей в соперничестве с новыми популистскими партиями и движениями в рамках парламентских выборов 2012 и 2016 гг., особенно это заметно в рамках «левого» идеологического спектра. Однако каждая партия проходила этот путь по-своему в зависимости от возрастной структуры населения территории. Популистские альтернативы в основном нашли поддерж-

ку в избирательных округах с низкой явкой и на периферии, в то время как традиционные партии получили больше голосов в округах с высокой явкой и в крупных городах.

«Поколенческий эффект» сам по себе, безусловно, недостаточен для объяснения явки избирателей. Социально-экономический пространственный контекст также имеет значение для интерпретации уровня участия в выборах. Так, например, он проявляется в повышенной явке молодых когорт в крупнейших городах Литвы (Вильнюс и Каунас) и их пригородных зонах и, напротив, их менее активным участием в выборах в периферийных районах страны. И если в возрастной группе 25–34 основными бенефициарами повышенной явки стала традиционная идеологическая партия Движение либералов, то самые молодые избиратели до 24 лет отдали предпочтение нетрадиционным партиям, в первую очередь, Союзу крестьян и зеленых Литвы.

Библиографический список

1. Баранов Н.А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ Сер. 6 Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 25-36.
2. Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 24-33.
3. Журавлев А.Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 1993.
4. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 144 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.

7. Этнонационализм в Европе / Урс Альтерматт; [Пер. с нем. С.В. Базарновой]; [Рос. гос. гуманитар. ин-т]. М. : Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
 8. Agnew J., Shin M. Spatializing Populism: Taking Politics to the People in Italy // *Annals of the American Association of Geographers*. 2017. № 4. P. 915–933.
 9. Anselin L. Local indicators of spatial association – LISA // *Geographical Analysis*. 1995. № 27. P. 93–115.
 10. Azmanova A. After the left-right (dis) continuum: Globalization and the remaking of Europe's ideological geography // *International Political Sociology*. 2011. № 5. P. 384–407.
 11. Blais A. Political participation // *Comparing democracies: Elections and voting in the 21st century*, ed. L. Le Duc, R. G. Niemi, and P. Norris. London: Sage, 2010. P. 165–183.
 12. Blais A., Rubenson D. The source of turnout decline: New values or new contexts? // *Comparative Political Studies*. 2013. № 46. P. 95–117.
 13. Kostadinova T. Voter turnout dynamics in post-communist Europe // *European Journal of Political Research*. 2003. № 6. P. 741–759.
 14. Kostadinova T., Power T. Does democratization depress participation? Voter turnout in the Latin American and Eastern European transitional democracies // *Political Research Quarterly*. 2007. № 3. P. 363–377.
 15. Moffitt B. *The global rise of populism: Performance, political style, and representation*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2016.
 16. Wolin S. *Politics and vision: Expanded edition*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
 17. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Литвы. URL: <http://www.vrk.lt/> (дата обращения: 15.07.2018).
 18. Эксперты определили самые популярные районы Вильнюса // Новостное агентство Sputnik. 2017. 31 июля. URL: <https://lt.sputniknews.ru/economy/20170731/3561811/samyi-populyarnye-raiony-vilnyusa---pilajte-shnipishkes-i-novyy-gorod.html> (дата обращения: 10.09.2018).
 19. Pasiektas rekordinis jaunimo rinkiminis aktyvumas // Новостное агентство Delfi. 2016. 16 октября. URL: <https://www.delfi.lt/projektai/archive/pasiektas-rekordinis-jaunimo-rinkiminis-aktyvumas.d?id=72575708> (дата обращения: 10.09.2018).
-
-